

УДК: 811.161.1'271.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-124-129

РАСШИРЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

М.В. Иванова

ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького»
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104
dekanat@litinstitut.ru

В статье рассматривается возможность обновления и расширения литературной нормы, соотношения ее с живым речевым употреблением в отношении электронных СМИ как принципиально новых медиа со своими специфическими функциями и задачами. В качестве оснований приводятся исторические примеры, когда новая литературная и речевая реальности вносили изменения в литературный язык.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, история русского литературного языка, язык электронных СМИ, стилевая норма

ВВЕДЕНИЕ

Утрата высокого статуса, авторитета образования, низкий его уровень, небрежное отношение к речи, к нормам литературного употребления, англо-американская экспансия одновременно с жаргонизацией и вульгаризацией общего разговорного языка — все это в целом создает весьма печальную картину разрушения великого достояния и сокровища русского народа — его языка.

Мне бы хотелось поделиться своей позицией и своими мыслями по поводу той проблемы, которая касается всех нас, граждан великой страны — проблемы состояния русского языка.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

В поиске решения этой проблемы, ее изменений к улучшению появляются абсурдные (забавно-абсурдные) предложения. Например, представители Общественной палаты считают, что необходимо на базе МВД создать «лингвистическую полицию» [См., например: Трифонова NG: http://www.ng.ru/politics/2016-09-14/3_police.html; <http://izvestia.ru/news/631433>]. Но существующий закон о русском языке лишь утверждает его государственный статус и строго не фиксирует его литературные нормы, не направлен на установление его стилистических вариаций, на ужесточение требований к правилам употребления и т.д. В законе нет никакого регламента или инструкций по отношению к тем, кто нарушает общепринятое языковое поведение, а особая полиция должна быть (тогда еще нужно будет вводить и осуществляющую надзор за лингвистической полицией «лингвистическую прокуратуру»). А если в законе будет прописано регулирование языкового употребления с позиций литературной нормы, тогда специальной полиции не нужно.

В этой связи Ассоциация учителей русского языка предлагает контролировать и ограничить употребления иностранных слов и латинских букв. Почему только латинских, а арабским алфавитом или китайскими иероглифами можно исказить русское письмо? А какие слова следует считать иностранными? *Тетрадь, философ, вождь, глава, сарафан, конверт, газета, нота* — это русские слова? Можно отказаться от *хипстеров и лобстеров*, но тогда что делать с *пизжонами и шампанским*? И вообще, может ли язык развиваться и обогащаться без заимствований? Эти позиции не так просты.

Главное, что эти предложения касаются лишь внешних проявлений негативных явлений. Глубинные же проблемы такому контролю не поддаются.

Общественников можно понять, нужно срочно предпринимать какие-то действия, потому что наш язык находится под угрозой.

О РАЗНЫХ СТЕПЕНЯХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОРМЫ

В той языковой ситуации, которая уже сложилась, действовать нужно предельно аккуратно, продумывая каждую позицию, учитывая новую языковую реальность. Понятно, что решение проблем нынешнего русского языкового употребления является чрезвычайно сложным и долгим. Кроме того, это решение многокомпонентное и многоаспектное.

Жизнь меняется — меняется язык. Это аксиома; мы это знаем, повторяем в своих лекциях, но никак не можем смириться в действительности. И все время под новую живую речевую реальность подкладываем свои старые и традиционные, лучше даже сказать, архаичные, подходы к ее интерпретации. Это неправильно и, главное, бесперспективно.

Если на эту проблему взглянуть с позиций здравого смысла, то окажется, что лучше в разных сферах употребления языка предусмотреть некоторое различие подходов к норме, разную степень ее регламентации, некоторую вариативность нормы.

Напомню, что вариативность является универсальным свойством языковой системы [Солнцев 1984: 31—43] и что именно вариативность рассматривается как источник самоорганизации и развития языка.

Представляется, что в современной сложной ситуации с речевой практикой вариативный и расширительный подход к норме может оказаться наиболее продуктивным.

ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Обсуждая сегодня проблему русской речи в электронных СМИ, нужно сказать, что современные медиа абсолютно инновационны. Они решают много проблем, среди которых вечная метафизическая проблема человека и времени. Только благодаря электронным СМИ мы получаем гарантированно быстрый, даже сверхбыстрый доступ к информации.

Причем в эпоху (как угодно) «конца истории» [Фукуяма 2005] или «информационного общества» [Тоффлер 2005] ускорение передачи данных будет только

убыстряться. А в условиях ускорения передачи информации кропотливая и внимательная редакторская работа с текстом является тормозом. Ради быстроты нужно чем-то жертвовать. Фактами, цифрами, достоверностью — проблематично. А вот редакторской обработанностью текста можно.

Мы же пожертвовали живостью и меткостью русской речи, ее красотой и образностью ради официально-делового стиля. Сегодня это основной стиль литературного языка, хотя на протяжении столетий официальные документы и деловая письменность не входили в систему русского литературного языка. Ситуация стала меняться после «Стоглава» — сборника решений Стоглавого собора (1551 г.) и «Домостроя» (XVI в.) — свода правил домашнего уклада. Эти две книги стали в большей степени литературным явлением, оставаясь фактами деловой письменности. Но официально-деловой стиль современного русского литературного языка сохраняет свои «нелитературные» черты невежливого императива, номинативности, стандарта и клишированности (до такой степени, что мы уже только формы/бланки заполняем: все у всех одинаково); в официально-деловом стиле позволено даже нарушать русскую грамматику (например, для точности не склоняют имена собственные). При этом мы твердо знаем, что этот стиль выполняет важнейшую общественную функцию — регулирует правовые отношения, упрощая их именно за счет своей строгой клишированности.

У научного стиля тоже есть свои существенные недостатки, только их принято уважительно называть оригинальными чертами, особенностями. Если обратиться к собственно исследовательскому (не к учебному и не к популярному) стилю/подстилю, вот уж где обнаружится огромное количество заимствований, латинских написаний, нечитаемых формул и непонятных терминов, не принятой в русском языке сочетаемости и т.д. Текст серьезной современной научной статьи будет понятен только узкому специалисту в этой области.

Так и электронным СМИ можно простить некоторые недостатки, не вполне идеальную подготовку текста за скорость получения информации.

Современные медиа являются абсолютно новой сущностью и необходимым атрибутом времени, эпохи глобализации, благодаря им происходит процесс удовлетворения информационных потребностей личности, индивидуального его запроса. Они размывают границы информационного пространства, огромного, не ограниченного бумажным листом.

Еще раз, это не перенос бумажной версии в технически новый вид. Это другие СМИ со своими специфическими функциями и задачами. И вот тогда наиболее острый вопрос о языковом медиапространстве (естественно, электронном) нельзя оценивать и регламентировать со старых позиций литературной нормы [Иванова 2016: 86—93].

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБНОВЛЕНИЯ НОРМЫ

По давнему, но точному определению Л.В. Щербы «норма — идеал прошлого» [Щерба 1958]. Конечно, отказаться от нормы совсем, разрушить ее нельзя, прервется традиция. Но мы от нее и не отказываемся: мы по-прежнему пишем *жи*

и *иш* через *и*, хотя шипящие отвердели к XIV в., во 2-м лице ед. ч. наст. в. глаголов пишем *-шь* (т.е. *ш* с мягким знаком, с ерем), но этот *ш* — твердый с XIV в., а редуцированные пали в XII в. Но орфография — это одно, а нормы живого употребления языка в новых речевых ситуациях, новых типах речи, жанрах и т.д. — это другое.

Русский литературный язык складывался очень долго, и каждый раз новые литературные тексты, новые художественные системы, новые творческие методы предполагали определенный пересмотр прежних, устаревших норм употребления и формирование новых языковых возможностей и стилей. И всегда это наталкивалось на непонимание, на критику, все проходило с сопротивлением.

Я приведу лишь несколько примеров.

Василий Кириллович Тредиakovский, человек высокой книжной культуры, в 1730 г. берется за перевод французского романа «Езда в остров любви» Поля Тальмана и понимает, что нужно отказаться от церковнославянской традиции и воспользоваться разговорными формами живой речи. Михаил Васильевич Ломоносов создает стилистическую теорию («Предисловие о пользе книг церковных...», 1758 г.), по которой определенные слова в одних жанрах употреблять нельзя, а в других — можно; и даже низкий стиль оказывается низким лишь в отношении высокого, но и тот и другой — в пределах литературного языка [Здесь и далее см., например, Виноградов 1978; Войлова, Леденева 2009; Горшков 1984].

В творчестве Б.И. Куракина, М.Д. Чулкова, А.П. Сумарокова, Н.И. Новикова, И.А. Крылова, Д.И. Фонвизина и многих других «преобразителей» русского литературного языка XVIII в. наблюдается вполне закономерное и оправданное новым временем и новыми жанрами обращение к разговорным формам, обновление состава лексики, упрощение грамматики, разрушение старых системных связей языковых единиц в тексте. В целом это принято называть «демократизацией» литературных норм и правил.

А.С. Пушкин — ключевая фигура в истории русского литературного языка, поскольку в его творчестве были выработаны, признаны современниками, а позже закреплены как эталонные нормы русского литературного языка. Он считается его основоположником, и отсчет *современного* литературного языка (в академических словарях, грамматиках) ведется от Пушкина. До него пытались утвердить норму, но «запретительными» мерами: одни были против «старого», другие против «нового». А у Пушкина разрешительная, расширенная, вариативная норма, по которой допускалось все: и старая церковнославянская традиция, и новые разговорные народные элементы, и «странное просторечие», и западноевропейские заимствования. Только при соразмерности всех этих элементов в тексте и сообразности их авторскому замыслу.

В XX веке — веке больших изменений в жизни — прошли значительные преобразования в языке, коммуникация стала массовой. Было много приобретений, но была невосполнимая потеря. Именно в связи с тем, что нормированная литературная форма языка была жестко, даже грубо поставлена над всеми остальными разновидностями языкового употребления, в подчиненно-униженное положение

попали русские народные говоры, что не способствовало их сохранению. А ведь русские диалекты на огромной исконной русской территории Восточной Европы и на территориях вторичного заселения очень национальны, этнически самобытны, стилистически и исторически важны, являются одной из форм выражения национальной культуры. Они почти исчезли, а мы лишились такого важного, истинно национального источника обогащения и развития литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня в связи с новой языковой реальностью, с русской речевой действительностью следует несколько пересмотреть норму литературного языка именно для его сохранения. Действительно пришло время на государственном уровне регламентировать русское языковое употребление.

Важно обновить литературную норму в отношении электронных СМИ по линии ее расширения, соотнесения с живым разговорным языком, с речевой практикой, а определить границы расширения, выработать принципы и правила регулирования должны не юристы, а лингвистическое сообщество, базовые кафедры.

Кроме того, рассматривая состояние речи в электронных СМИ, нужно создать новую научную область с новым наименованием, новыми подходами, своей терминологией. Назвать ее можно просто, например, *цифровая коммуникация* или *теория электронного информирования*.

© Иванова М.В.

Дата поступления: 12.09.2016

Дата принятия к печати: 22.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.В.* (1978). Избранные труды. История русского литературного языка [Vinogradov V.V. Selected works. The history of Russian literary language]. Москва: Наука.
2. *Войлова К.А., Леденева В.В.* (2009). История русского литературного языка [Vojlova K.A., Ledeneva V.V. The history of Russian literary language]. Москва: Дрофа.
3. *Горшков А.И.* (1984). Теория и история русского литературного языка [Gorshkov A.I. Theory and history of Russian literary language]. Москва: Высшая школа.
4. *Иванова М.В.* (2016). Речь журналистов электронных СМИ // «Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ» [Ivanova M.V. Journalist language in e-media // “Studying Russian. Problems of the modern language in e-media”]. Москва: Некоммерческое партнерство факультетов журналистики.
5. «Известия» (2016) [Izvestija]: <http://izvestia.ru/news/631433>.
6. *Солнцев В.М.* (1984). Вариативность как общее свойство языковой системы [Solncev V.M. Variability as a general quality of the language system] // «Вопросы языкознания». № 2.
7. *Тэффлер Э.* (2005). Война и антивоина [Toffler Alvin and Heidi. War and anti-war. Survival at the Dawn of the XXIst Century]. Москва: АСТ: Транзиткнига.
8. *Трифонов Е.* (2016) [Trifonova E. Nezavisimaya Gazeta] NG: http://www.ng.ru/politics/2016-09-14/3_police.html.
9. *Фукуяма Ф.* (2005). Конец истории и последний человек [Fukuyama F. The end of History and the last Man]. Москва: АСТ: Ермак.
10. *Щерба Л.В.* (1958). Избранные работы по языкознанию и фонетике [Shherba L.V. Selected works on linguistics and phonetics]. Т. 1. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.

УДК: 811.161.1'271.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-124-129

THE EXPANSION OF LITERARY NORMS AND ITS HISTORICAL FOUNDATION

M.V. Ivanova

FSBEI of Higher Education
Maxim Gorky Literature Institute
Tverskoy blvd., 25, Moscow, Russia, 123104
dekanat@litinstitut.ru

Abstract. The article investigates the possibility of renewal and expansion of literary norms, its relevance to real speech in respect to e-media as a fundamentally new media with its specific functions and objectives. As a reason for this process the article offers some historical examples when new literary and speech reality leads to changes in the literary language.

Key words: the present-day Russian literary language, the history of the Russian literary language, the language of e-media, stylistic norms